

Разношерстная гамма чувств, отразившаяся на лицах присутствующих, изрядно позабавила Хан Сиэня. Наблюдая за тем, как то бледнеет, то идет пятнами лицо Цзи Жуна, он неторопливо произнес:

— Второй принц, пусть вы и приемный сын Благородной супруги Ши, все же остаетесь единственным ребенком, которого она растила все эти годы. Клан Ши для вас — то же самое, что и родня по материнской линии. И если они тайно разрабатывали золотой рудник, то неужели ради кого-то другого, а не ради вас?

Эти слова Хан Сиэня ударили Цзи Жуна подобно грому среди ясного неба. В ушах зазвенело, в глазах на мгновение потемнело. Он покачнулся, но упрямо удержал равновесие, судорожно сжав кулаки под широкими рукавами. На лбу его залегла глубокая складка.

Последние несколько лет Вдовствующая императрица и клан Ши тайно выказывали ему благосклонность. Через них он узнавал дворцовые тайны, благодаря им завел связи с влиятельными сановниками.

Взять хотя бы прошлогоднее наводнение в Цзяннани. Тогда старый цензор заговорил о необходимости отправить в поездку кого-то из принцев именно по наущению клана Ши. К тому моменту люди Ши уже больше года как присягнули Цзи Жуну на верность и готовились возвести его на престол.

Для любого честолюбивого наследника бедствие в Цзяннани сулило невиданную выгоду. И Вдовствующая императрица в дворцовых покоях, и старый маркиз Ши в один голос твердили: это блестящая возможность проявить себя и завоевать авторитет у чиновников. Если бы он, будучи принцем, лично расследовал причины катастрофы и усмирил стихию, отец-император наверняка оценил бы его усердие, что проложило бы прямую дорогу к титулу наследного принца.

Однако не успел клан Ши составить план действий, как государь неожиданно решил отправить в Цзяннань Хан Сиэня. Старый маркиз Ши тогда рассудил, что Хан Сиэнь действует чересчур грубо и прямолинейно — если он позволяет себе такие дерзости в столице, то вдаль от нее и вовсе наломает дров. Маркиз полагал: если Цзи Жун поедет следом, Хан Сиэнь примет на себя весь удар и настроит против себя местных чинуш, а сам принц на его фоне покажется спасителем, снискав и славу, и народную любовь.

По указке клана Ши старый цензор выступил перед троном, заявив, что Наследнику маркиза Вечного Покоя не хватает опыта, и в одиночку ему не обуздать бунтующую провинцию, а потому императору стоит послать с ним одного из сыновей. В нужный момент Цзи Жун вызвался добровольцем. Пусть здоровье его оставляло желать лучшего, но при поддержке преданных людей при дворе его кандидатура утвердилась бы сама собой, оставив соперников далеко позади.

Но на утренней аудиенции все пошло наперекосяк. Едва Цзи Жун, как и было условлено, шагнул вперед, чтобы объявить о своем желании отправиться на юг, старый маркиз Ши

внезапно лишился чувств прямо посреди зала. Посторонние ничего не заметили, но Цзи Жун успел перехватить тайный жест упавшего старика — тот требовал немедленно отступить и замолчать.

В итоге опасная миссия досталась Цзи Ло.

Позже старый маркиз объяснил свое решение: они действительно хотели добыть для принца славу, но язвительные расспросы Хан Сиэня, которыми тот засыпал цензора прямо перед тронном, разом лишили эту поездку всякого ореола величия. Любой принц, поехавший следом, оказался бы в роли жалкого прилипалы, рискуя лишь замарать репутацию, а не снискать почет. Потому старик и среагировал так мгновенно.

Дальнейшие бесчинства Хан Сиэня в Цзяннани действительно повергли Цзи Жуна в трепет. Подобное высокомерие и презрение к чиновничьим чинам было самоубийственным для любого, кто метил на престол. И хотя поехавшие с ним Цзи Ло и Цзи Юэ старались держаться в тени, многие столичные сановники прониклись к Третьему принцу тайным презрением — мол, если он не способен обуздать какого-то заносчивого наследника маркиза, то как ему доверить империю? Из-за этого несколько влиятельных вельмож без лишнего шума перешли на сторону Цзи Жуна.

Что же до Цзи Юэ, наследника уездного князя Юна, то после возвращения с юга он вел себя тише воды ниже травы, так что в столице о нем почти позабыли. Все это лишь доказывало прозорливость старого маркиза Ши. Цзи Жун втайне упивался своей удачей, видя в случившемся благословение небес: пока другие проливали пот на юге, он без лишнего шума укреплял свои позиции в столице.

О тайных золотых приисках в Цзяннани он, разумеется, тоже слышал. Когда Хан Сиэнь раскопал это дело и отправил срочный доклад в столицу, весь чиновничий аппарат оцепенел от ужаса. Благородная супруга Ши тогда спешно вызвала приемного сына во дворец и строго-настрого наказала держаться от этого дела как можно дальше. Она внушала ему, что любой, кто окажется замешан в краже государственного золота, будет сочтен бунтовщиком, и гнев императора сотрет его в порошок.

«Сохраняй ледяное спокойствие, — говорила она, — и не смей совать туда нос»

Все годы, что он провел под крылом Благородной супруги Ши, она относилась к нему прохладно. И ее внезапная забота укрепила в Цзи Жуне веру в то, что приемная мать искренне печется о его судьбе. Он не сомневался, что за этим предостережением стоял весь клан Ши, и безмерно ценил их преданность. Тогда ему казалось, будто старый маркиз просто бережет его от гнева и подозрений государя. Цзи Жун растрогался, лишний раз убедившись: пусть они и не связаны кровными узами, клан Ши видит в нем своего будущего правителя.

Но поскольку на кону стояла голова целого генерал-губернатора Лянцзяна, он все же присмотрел за участью Чжоу Мааня. Когда же дело застопорилось, Цзи Жун попросту выбросил его из головы.

С тех пор прошло несколько месяцев. И вдруг теперь ему объявляют, что за незаконной добычей золота стояли сами Ши! Но как это возможно? И если это правда, то почему до него не долетело ни единого слуха? Сомнения, точно ядовитые змеи, заползли в душу Цзи Жуна, а следом за ними пришел липкий, леденящий страх.

Мысли лихорадочно сменяли друг друга. Действительно ли клан Ши, Благородная супруга и Вдовствующая императрица вели его к трону? Если да, то почему скрыли столь грандиозную тайну? А если нет... то ради кого они годами копили это золото?!

Неужели...

Взгляд Цзи Жуна невольно метнулся к Бай Энью. Что, если тот и впрямь незаконнорожденный сын? И кто тогда его мать? Неужели сама Благородная супруга Ши?! От этой догадки Цзи Жуна бросило в холодный пот. Глаза его сузились, наливаясь тяжелой злобой. Если его годами держали за слепого дурака и использовали лишь как ширму, он костями ляжет, но уничтожит Бай Эня.

Почувствовав этот тяжелый, удушающий взгляд, Бай Энь насупился и злобно зыркнул в ответ. В его груди клокотали обида и паника. Какое ему дело до золотых рудников Цзяннани? Какое дело до подмены принцев и бастардов? Он всю жизнь считал себя сыном почтенного семейства Бай, и никакая императорская кровь не должна была иметь к нему отношения.

Цзи Жун отвел взгляд, силой заставляя себя успокоиться. Он понимал, что выдает свои чувства, но сковавший его ужас лишал способности здраво рассуждать. Независимо от того, кем приходился Бай Энь людям из рода Ши, перед лицом света именно Цзи Жун считался сыном Благородной супруги и преемником ее клана. Раз прииски раскрыты, гнев императора первым же делом обрушится на него.

«А вдруг это ложь? — промелькнула спасительная мысль. — Вдруг Хан Сиэнь просто издевается, плетет интриги на пустом месте, а честное имя Ши ничем не запятнано?»

Цзи Ло, наблюдая за метаниями брата и слушая откровения Хан Сиэня, тоже призадумался. Он перевел взгляд с Бай Эня на Цзи Жуна, и в его памяти всплыли старые дворцовые хроники. После кончины его отца-гэера, Императорского благородного супруга Ван Ина, отношения между государем и Вдовствующей императрицей окончательно разладились. В те мрачные годы она покинула дворец и долгое время жила в Западной императорской загородной резиденции. Сопровождала ее тогда лишь Благородная супруга Ши. Неужели именно там, втайне от всех, та разродилась Бай Энем?

Раньше он уже допускал мысль, что Бай Энь — бастард Благородной супруги, и даже тайно изучил записи о перемещениях государя. Но император в те годы почти не заглядывал в гарем, так что скрыть беременность во дворце было бы невозможно. Значит, дело обстояло иначе? И почему мальчика отдали на воспитание именно Бай Цзюню? Какое богатство и влияние пообещала ему Благородная супруга Ши за такое смертельно опасное укрывательство?

Каждый из троих был погружен в собственные думы. Головоломка сплеталась столь причудливо, что виски ломило от напряжения.

Хан Сиэнь с едва уловимой усмешкой посмотрел на бледного Цзи Жуна.

— Судя по вашему лицу, Второй принц, эта новость стала для вас громом среди ясного неба?

Цзи Жун высокомерно вздернул подбородок. В его осанке проступила гордость, приличествующая сыну императора, хотя уголки губ нервно подрагивали.

— Хан Сиэнь, пусть я и не родной сын Благородной супруги, но люди Ши для меня — как родная кровь. Мои помыслы чисты, а поступки открыты, мне незачем бояться гнева отца. Твои жалкие попытки вбить между нами клин ничего не стоят, и я не верю, что император позволит тебе безнаказанно сеять эту смуту.

— Какая разница, верите вы мне или нет? — равнодушно отозвался Хан Сиэнь. — Клан Ши — родня не только вам, но и самому государю. К чему мне выдумывать сказки на пустом месте? По-вашему, мне скучно жить и я ищу повод навлечь на себя императорскую опалу? Указ оцепить поместье Ши отдан лично Его Величеством. Если сомневаетесь, можете расспросить слуг в поместье герцога Хань — такие вести разлетаются со скоростью степного пожара, сейчас об этом шепчутся в каждом углу.

Он развел руками с притворной досадой.

— Ах да, совсем забыл. Вы ведь тоже под замком по воле государя и шагу ступить отсюда не можете. Впрочем, господин Гао здесь, спросите его сами.

Цзи Жун уставился на притихшего в углу заместителя командующего императорской гвардией Гао Фэна. Тот почувствовал, как по спине пробежал холодок, но спорить не решился. Сложив руки в вежливом приветствии, он глухо произнес:

— Усадьба Ши действительно оцеплена стражей. Хотя мои люди в этом не участвовали, слухи подтверждаю.

Цзи Жун сухо выдохнул и, стараясь сохранить остатки достоинства, резко развернулся, взмахнув широкими рукавами халата, и скрылся за дверью своей комнаты.

Бай Энь, чей разум окончательно превратился в хаос из страхов и догадок, тоже не желал больше оставаться под прицелом чужих глаз. Ни на кого не глядя, он молча ушел к себе.

Лишь Цзи Ло остался стоять на месте. Лицо его потемнело от тяжелых дум. Он вперил взгляд в Хан Сиэня и тихо спросил:

— Оцепить усадьбу Ши — шаг неслыханный. Когда пыль уляжется, те, у кого есть голова на плечах, поймут, к чему все шло. Что ты намерен делать, когда ударная волна от этого взрыва докатится до тебя?

Если Бай Энь действительно плоть от плоти Благородной супруги Ши, то ее клан сделает все возможное, чтобы защитить себя. И первой их мишенью станет Хан Сиэнь. Слухи о бастардах, подменах и тайнах императорской постели — идеальная дымовая завеса. Стоит раздуть этот скандал посильнее, и разгневанный государь позабудет даже о разграбленном золотом руднике.

Цзи Ло и представить не мог, что события примут столь крутой оборот. Не возникни этот нелепый слух о сходстве Бай Эня с императором, он бы до конца дней считал, что Вдовствующая императрица и люди Ши ведут игру исключительно ради Цзи Жуна. Теперь же становилось ясно: омуты у клана Ши бездонны. И кто знает, кто на самом деле унаследовал бы трон в его прошлой жизни? При этой мысли Цзи Ло неожиданно для самого себя ощутил укол мимолетной жалости к Цзи Жуну.

Хан Сиэнь остался глух к чужому сочувствию и предостережениям. Он неторопливо поднялся и ровным голосом процедил:

— О себе беспокойтесь, Третий принц. В конце концов, кашу заварили именно вы.

Разумеется, Гао Фэн не посмел скрыть ни единой детали происходящего в поместье. В тот же вечер тайный доклад полетел прямиком на стол государю. На бумаге с дотошной точностью были запечатлены каждое сказанное слово, каждый жест, мимика участников и даже финальный разговор между Цзи Ло и Хан Сиэнем.

Ознакомившись с донесением, император долго хранил молчание. Лишь глубокой ночью он тяжело вздохнул, отложил свиток на край покрытого лаком стола и устало потер виски. С каждым часом дело приобретало все более скверный оборот. Если этот мальчишка, Бай Энь, и впрямь окажется его собственной кровью, распутать этот клубок без кровопролития не удастся.

Ночью, как и предвидел Хан Сиэнь, никто из трех высокопоставленных заложников во флигеле дворика Душистых Орхидей так и не прикоснулся к сухим лепешкам, что им прислали на ужин. Хан Сиэнь, унося обратно полную корзину, лишь удовлетворенно хмыкнул — какая приятная экономия.

На следующее утро, когда Хан Сиэнь только закончил утренний туалет и принялся за рисовую кашу, во двор вошел евнух Юань Бао с императорским указом в руках. Посланник объявил

волю государя: немедленно доставить во дворец Хан Сиэня, обоих принцев и Бай Эня.

Выслушав высочайшее повеление, Хан Сиэнь улучил мгновение и тихо спросил у старого слуги:

— Уважаемый Юань Бао, к чему спешка? Что произошло?

Юань Бао понимающе прищурился и, склонившись ближе, прошептал:

— Сегодня на рассвете Благородная супруга Ши со слезами молила государя об аудиенции. Старый раб караулил у дверей — они проговорили очень долго.

Хотя тучи над головой Хан Сиэня сгущались, евнух, последнее время тоже чувствовавший на себе тень монаршей немилости, испытывал к юноше странную солидарность и не упустил случая предупредить его.

<http://bllate.org/book/20088/2002058>